

Компоненты приведенной модели организационной культуры вуза не могут рассматриваться исключительно аналитически дифференцированно, так как находятся в непрерывном взаимном влиянии и взаимодействии. Их дифференциация носит достаточно умозрительный аналитический характер и зависит от позиции наблюдателя, осуществляющего процедуру анализа. Системное единство представленных компонентов основывается на их взаимообращенности, что позволяет в экстраполяции данной модели на конкретную организационную культуру придерживаться постулатов кибернетики второго порядка и теории Н. Лумана об аутопоиетических и самореферентных свойствах социальных систем.

Литература

1. Антопольская Т. А. Организационная культура вуза в теории, социальных представлениях студентов и технологии обучения // Вестник высшей школы. 2005. № 7. С. 3–9.
2. Мальцева Г. И. Университетская корпоративная культура // Университетское управление. 2005. № 2 (35). С. 95–103.
3. Мальцева Г. И., Горшкова О. В. Роль корпоративной культуры в формировании эффективного университета // Университетское управление. 2006. № 2 (42). С. 40–44.
4. Стрекалова Н. Д. Корпоративная культура и стратегия вуза: проблемы взаимодействия // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: международные лихачевские научные чтения (г. Санкт-Петербург, 14–24 мая 2002 г.). Секция 5. СПб., 2002. С. 205–208.
5. Сухорукова М. В. Ценности как ключевой элемент организационной культуры // Управление персоналом. 2000. № 11. С. 39–44.
6. Тюнников Ю. С., Мазниченко М. А. Корпоративная культура как фактор конкурентоспособности вуза // Высшее образование в России. 2005. № 10. С. 69–77.

УДК 343.82-053.6

Корольков Константин Васильевич

ДЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ПРИЧИНА РЕЦИДИВА

В статье рассматривается десоциализация индивидов, отбывающих наказание за совершенное преступление в местах лишения свободы. На основе анализа данных источников и сравнения исправительных колоний с другим «тотальным институтом» – армией делается вывод о том, что именно десоциализация в местах лишения свободы является основной причиной повторного совершения индивидом преступления.

Ключевые слова: десоциализация, места лишения свободы, преступление, рецидив, тотальный институт, пенитенциарная политика, интеграция в общество.

Korolkov Konstantin V. DESOCIALIZATION AT CORRECTION FACILITIES AS REASON BEHIND REPEATED OFFENSE

The item offers a view on desocialization in people serving their terms at correction facilities. An analysis of the respective data and a comparison with another type of “total institution” – military service – allow concluding that desocialization at correction facilities stands behind repeated offenses.

Key words: desocialization, correction facilities, offense, repeated offense, total institution, penitentiary policy, integration into society.

Анализ статистических данных показывает, что в России среди людей, освободившихся из мест лишения свободы, велик процент тех, кто вновь совершает преступления [1, с. 3]. В то же время основной задачей уголовно-исполнительного законодательства, регулирующего функционирование

пенитенциарной системы Российской Федерации, является предотвращение повторного совершения преступления [2, с. 14]. Но согласно данным той же статистики, отечественной уголовно-исполнительной системе далеко не всегда удается справиться с поставленной задачей.

Отбыв наказание, которое установил суд за содеянное, человек покидает места заключения, становится свободным и возвращается в общество. При этом следует отметить, что общество не ждет его «с распростертыми объятиями», оно относится к нему подозрительно. Чтобы преодолеть такое отношение, индивиду необходимо пройти процесс интеграции в общество. Также следует отметить, что речь идет именно об интеграции, поскольку просто адаптация не является успешным результатом воспитательно-исправительного воздействия.

Выйдя на свободу, человек вполне может выстроить такую систему поведения, которая позволит ему игнорировать нормы социальной жизни, не работать, жить за счет совершения преступлений, другими словами, чувствовать себя совершенно комфортно, ведя антисоциальный образ жизни, поскольку не сумел адаптироваться к общественным нормам. Отсюда продуктом воспитательно-исправительного воздействия в местах лишения свободы должен являться лишь интегрированный в общество индивид.

Однако, пытаясь интегрироваться в общество, отбывший срок наказания индивид, как правило, сталкивается с серьезными проблемами.

Во-первых, человек, вернувшийся из мест лишения свободы, нуждается в поддержке близких людей. Между тем таковая ему отнюдь не гарантирована. Контакты с человеком, отбывавшим наказание, не всегда желательны для его родственников; у них к тому времени может быть налажена другая жизнь, нередки разводы. Определенное количество отбывающих связанное с лишением свободы наказание, вообще не имеют близких. Длительная изоляция разрушает привычные для личности социальные связи, в том числе наиболее интенсивные. А. Н. Олейник приводит данные собственных исследований, согласно которым в России 20,9 % людей, отбывающих наказание в виде лишения свободы, разведены, а 50,2 % никогда не были женаты (замужем) [3, с. 38].

Чтобы рассмотреть еще одну группу проблем, связанных с десоциализацией в местах лишения свободы, следует обратиться к концепциям Г. Беккера, И. Гоффмана, и др., которые известны под общим названием теории стигматизации. Согласно данной теории, человек, имеющий судимость и, тем более, находившийся в заключении, носит на себе «клеймо». Такое «клеймо» появляется у него под влиянием авторитетных групп общества. Это способствует тому, что в быту у человека нередко возникают серьезные проблемы, прежде всего, с трудоустройством. Работодатель воспринимает такого человека в первую очередь как бывшего преступника, который не заслуживает доверия. При этом человек длительное время пребывал в условиях, кардинально отличающихся от тех, которые являются привычными для того сообщества, в котором он находится в настоящее время. Данные обстоятельства приводят к тому, что такому человеку приходится в течение длительного времени прилагать довольно серьезные усилия для того, чтобы интегрироваться в общество. Нередко эти усилия оказываются безрезультатными. Главная причина в данном случае – восприятие обществом этого индивида как человека с устоявшимся девиантным поведением.

Анализируя процесс отбывания наказания в местах лишения свободы, А. В. Димитров и В. П. Сафронов приходят к выводу, что в ходе данного процесса человек, осужденный к лишению свободы, как минимум трижды вынужден адаптироваться:

- 1) оказавшись в местах лишения свободы, человек приспосабливается к нормам режима учреждения, групповым нормам сообщества заключенных, к условиям труда, быта;
- 2) по принципу прогрессивной системы – при изменении условий отбывания уголовного наказания: при переводе из воспитательной колонии в исправительное учреждение;
- 3) во время привыкания к условиям жизни на свободе, работе в трудовом коллективе, семье после освобождения из мест лишения свободы [4, с. 93].

Любая из названных ситуаций предполагает достаточно резкое изменение жизненных условий – бытовых, трудовых, условий режима учреждения. Также необходимо учитывать отношения между осужденными в местах лишения свободы, которые изобилуют нюансами, особым этикетом и условностями, что в высшей степени усложняет адаптацию к ним, особенно для тех, кто впервые отбывает наказание или находится под арестом в следственном изоляторе. Существует немалый риск того, что вследствие указанных факторов человек получит значительную долю негативных эмоций и негативного опыта.

Таким образом, вследствие влияния указанных факторов происходит десоциализация индивида в процессе отбывания наказания в местах лишения свободы.

На индивида, отбывающего наказание в местах лишения свободы, влияют качественно новые для него формальные и неформальные нормы. Не следует забывать и о психологическом состоянии человека, попавшего в места лишения свободы. Он переживает глубокий психологический и социальный стресс: согласно свидетельствам людей, лишенных свободы, они испытали серьезное потрясение, впервые оказавшись под стражей в изоляторе временного содержания; социальные связи также были разрушены, таким образом люди испытывали нужду в социальной поддержке. В результате человеку, находящемуся в заключении, остается рассчитывать лишь на самого себя. У наказания в виде лишения свободы появляются и другие черты, а также увеличивается его степень и глубина: человек оказывается в социальной изоляции, его жизненное пространство становится атомизированным. По результатам исследований можно судить о том, насколько деформировано и разрушено оказывается то социальное пространство, к которому привык человек. Люди, отбывающие наказание в местах лишения свободы, не изолированы друг от друга, характер заключения совместный, 25,9 % лишенных свободы людей характеризуют свое повседневное состояние с помощью терминов одиночества. Нуждаясь в социальной поддержке, заключенные в то же время демонстрируют низкий уровень ее ожидания, он значительно ниже в местах заключения, чем в обществе. В тюрьме человек рассчитывает только на себя и не ждет поддержки со стороны. При этом именно там он в ней нуждается особенно остро.

Таким образом, можно говорить о том, что человек, находящийся в местах лишения свободы, имеет серьезную потребность в социальной поддержке даже для того, чтобы решить обычные вопросы (например, доступ к средствам гигиены), но при этом разрыв социальных связей серьезно осложняет удовлетворение этой потребности. Данное противоречие он пытается компенсировать поиском других, возможных здесь механизмов социализации, которые возможны в реальных на данный для него момент условиях. Если эти механизмы будут найдены (это практически всегда имеет место) и использованы (это также практически всегда имеет место по причине безысходности), то произойдет десоциализация индивида.

Во времена СССР, практически на протяжении всего его существования, при реализации пенитенциарной политики основным инструментом исправления являлся труд. Люди, осужденные к лишению свободы, активно использовались в качестве дешевой рабочей силы. Это считалось в обществе справедливым: посредством активной, подчас тяжелой трудовой деятельности человек, совершивший преступление, компенсировал обществу ущерб, нанесенный своим преступлением, и искупал – хотя бы в какой-то степени – свою вину. Не менее правильным и справедливым общество считало пожизненно наклеенный ярлык преступника в глазах сотрудников пенитенциарной системы, как и ярлык «отмотавшего срок» в глазах законопослушных граждан.

Нынешнее российское общество сохранило данный стереотип, основной чертой которого является убеждение о неискоренимости преступника. В этой связи основной объем наказания определяется не столько лишением свободы, сколько наличием пакета ограничений нормального удовлетворения потребностей различного свойства. Таким образом, деятельность пенитенциарных учреждений способствует не исправлению преступника, а направлена на создание «идеального» з/к.

Причины объективного характера кроются в том, что отечественная пенитенциарная политика основана на карательно-репрессивных принципах. В результате «за последние сорок лет в советских и российских исправительно-трудовых учреждениях побывало приблизительно 40 миллионов человек, и в перспективе мы наблюдаем дальнейшую криминализацию общества» [5, с. 31].

При этом не следует забывать о немалом числе тех, кто, возвращаясь после отбывания наказания, не ставит своей целью интеграцию в общество, а стремится лишь адаптироваться. Это граждане, не воспринявшие в отношении себя позитивного потенциала воспитательно-исправительных воздействий. В данном случае наличие дезинтегрирующих факторов не является определяющим, так как в отношении этих людей десоциализация настолько глубока, что бессильны, как правило, возможные действенные и многочисленные ресоциализирующие факторы. При этом адаптация для таких представителей может быть вполне успешной, но внешняя поддержка социальных норм будет являться не результатом исправления и перевоспитания, а будет являться результатом стремления не оказаться вновь в местах лишения свободы. По словам П. А. Сорокина, это акт воздержания, который вызван угрозой наказания.

Отсюда вытекает следующее: в учреждениях отечественной пенитенциарной системы человек, отбывающий наказание, подвергается глубокой десоциализации; именно эта десоциализация в первую очередь осложняет интеграцию индивида в общество по освобождении из мест лишения свободы. Следует отметить, что:

- возможности индивида, стремящегося интегрироваться в общество, по причине этой десоциализации серьезно ограничены;
- индивид, ставящий целью по освобождении не интеграцию, а адаптацию к общественным нормам, нацелен на это по причине глубокой десоциализации, которой он подвергся, отбывая наказание, связанное с лишением свободы.

Также необходимо принять во внимание следующий момент. Неудачные попытки индивидов, освободившихся из мест лишения свободы, интегрироваться в общество нередко приводят их к возвращению на путь совершения преступлений. Рецидивная преступность вызывает более суровое наказание, при этом десоциализация индивида, фактически приведшая к рецидиву, а также его безуспешные попытки интеграции (безуспешные вследствие этой самой десоциализации!) – согласно ст. 61 УК РФ – не являются обстоятельствами, смягчающими вину, и судом не учитываются. Что подтверждается ранее сделанным выводом: десоциализация в местах лишения свободы есть определяющий фактор, осложняющий процесс социальной интеграции человека, освободившегося из мест лишения свободы.

Следующий вывод: более глубокая степень десоциализации, которой подвергся индивид в местах лишения свободы, порождает больше сложностей в интеграции. Агенты общественного контроля выделяют индивиду сравнительно мало времени на интеграцию. При этом индивиду довольно непросто освободиться от норм, ценностей и представлений тюремной субкультуры, прежде всего, вследствие криминализованности общества:

- навыки, в том числе совершения преступлений, приобретенные в местах заключения оказываются востребованными в ряде слоев общества; это психологически осложняет интеграцию;
- криминализация глубоко затрагивает нормы поведения большинства представителей российского общества, независимо от классовой принадлежности. Р. Бенедикт и М. Мид в рамках социогенетического подхода отмечают, что интегрированные в личность социокультурные элементы становятся для человека нормой чувствования, мышления и действия [6].

Следует особо подчеркнуть, что речь идет о глубокой десоциализации, поскольку в принципе избежать ее во время нахождения в пенитенциарных учреждениях невозможно. В данном же случае процесс десоциализации зачастую необратим и приводит впоследствии к рецидиву.

В качестве примера можно провести параллели между пенитенциарными учреждениями и таким социальным институтом, как армия. Армия также, согласно теории И. Гоффмана, относится к «тотальным институтам», полностью отвечая тем признакам, которые выделял Гоффман.

В Советском Союзе все мужское население проходило службу в Вооруженных Силах. Для этого осуществлялся всеобщий призыв, за уклонение от которого следовала ответственность, предусмотренная, согласно ст. 80 УК РСФСР [7, с. 4]. Тот же порядок, согласно ст. 337, 338, 339 УК РФ, сохраняется в Российской Федерации [8, с. 700].

То есть почти все мужское население СССР к 18 годам достигшее согласно Закону совершеннолетия, но не сформировавшееся в личностном отношении, на срок от одного до трех лет помещалось, по теории Гофмана, в экстремальные условия. В настоящее время (имеется в виду Российская Федерация) процесс в целом воспроизводится. Однако вернувшись в результате демобилизации в прежние условия жизни, вчерашние солдаты успешно проходили процесс социальной интеграции: трудовая деятельность, создание семьи, карьерный рост и т. д. То же самое в целом можно сказать и о современности. (Военнослужащие, проходившие воинскую службу в так называемых «горячих точках», испытали на себе глубокую десоциализацию, прежде всего, не вследствие пребывания в условиях «тотального института», а вследствие влияния на ситуацию военно-политических факторов, и эта группа военнослужащих является исключением).

Очевидно, что оба института обеспечивают – каждый своему контингенту – аналогичные условия, поскольку и тот и другой институты соответствуют признакам, выделенных Гофманом у следственных им «тотальных институтов».

При этом данные социальные институты обладают схожими чертами и непосредственно между собой:

- 1) армия и любое российское пенитенциарное учреждение являются государственными учреждениями;
- 2) деятельность армии и учреждений пенитенциарной системы осуществляется на основе требований, закрепленных законом (режим или устав);
- 3) в рамках данных институтов предполагается вынужденная десоциализация;
- 4) присутствует неформальное влияние («дедовщина» и тюремная субкультура);
- 5) существует необходимость социальной интеграции.

Несмотря на наличие значительного количества схожих черт у двух социальных институтов, социальная интеграция, как правило, в большей степени удается демобилизовавшимся, нежели освобожденным. Достаточно сказать, что, по данным МВД, в 2013 году доля рецидивных преступлений составила 49,6 % [9].

Таким образом, можно сделать вывод: причины десоциализации осужденных в местах лишения свободы, заложены в особенностях самой пенитенциарной системы и в отношении общества к этим особенностям.

Литература

1. Щербаков С. В. Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. – 26 с.
2. Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу РФ. М.: Издательство «Экзамен», 2005. 576 с.
3. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России. М., 1999. 258 с.
4. Димитров А. В., Сафронов В. П. Основы пенитенциарной психологии: учебное пособие. М.: Московский психологический социальный институт, 2003. 176 с.
5. Ромм М. В., Андриенко Е. В. и др. Теория социальной работы: учебное пособие. URL: <http://sociologia/view-romm.txt.full.html> (дата обращения 21.02. 2013)
6. Марцинковская Т. Д., Марютина Т. М., Стефаненко Т. Г. и др.. Психология развития : учебник для студ. высш. психол. учеб. заведений / под ред. Т. Д. Марцинковской. 3-е изд., стер. М.: Академия, 2007. 528 с. URL: <http://referati.me> (дата обращения 30.06. 2014)
7. Уголовный кодекс РСФСР. URL: <http://pravo.levonevsky.org> (дата обращения 21.02. 2013)
8. Комментарии к уголовному кодексу РФ / отв. ред. В. М. Лебедев. 2-е изд., доп. и испр. М.: Юрайт-Издат, 2003. 760 с.
9. Состояние преступности – январь – декабрь 2013 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.ru> (Дата обращения 26.06.2014.)